

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 1, pp. 186–197, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-186-197

Семантические особенности цветообозначения *улан* ‘красный’ в калмыцком языке и способы его перевода на немецкий язык (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта)

Александра Тагировна Баянова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, г. Элиста 358000, Российская Федерация)

заведующая научной библиотекой и архивом им. П. Э. Алексеевой

 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Баянова А. Т., 2021

Аннотация. *Введение.* Цветообозначение как наиболее архаичный пласт лексики любого языка имеет ярко выраженную национально-культурную специфику и является важной составной частью языковой и лингвоцветовой картин мира. *Целью* данной статьи является анализ семантических особенностей цветообозначения *улан* ‘красный’ в калмыцком языке, а также способы его перевода на немецкий язык. *Материалы и методы.* Материалом исследования послужили калмыцкие сказки, записанные ученым Г. Й. Рамстедтом в 1903 г. во время научной экспедиции в калмыцкие степи Нижнего Поволжья. При анализе цветообозначения *улан* ‘красный’ автор использует как общенаучные методы, так и методы, используемые в лингвокультурологии: лингвокультурологический и концептуальный анализы фольклорного текста. *Результаты.* Роль цвета в мировосприятии у калмыков, как и у всех народов, многозначна. В текстах калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом, выявлено пять оттенков красного цвета. Лексема *улан* ‘красный’ имеет большей частью положительную семантику. При переводе на немецкий язык не всегда наблюдается полное совпадение смысла цветообозначения, что объясняется тем, что цветообозначение вообще и обозначение красного цвета в частности помещается человеком в пространство национальной картины мира, в чем и находится объяснение некой амбивалентности представленного цвета. *Выводы.* Лексема *улан* ‘красный’ в первом номинативном значении обозначает цвет предмета: красный, алый, румяный и др. Она также обозначает прототипический цвет крови в калмыцком языке. Часто употребляется при описании масти животных. При переводе на немецкий язык ученый использует различные способы. Большой частью перевод зависит от ассоциативно-образного мышления и мировосприятия переводчика, а также от лексико-семантических и морфологических средств, характерных для

калмыцкого и немецкого языка. Фольклорные тексты имеют особую структуру, поэтому от переводчика требуется внимательность и лингвистическая интуиция, чтобы не допустить неточности в передаче цветовой парадигмы, представленной в исходном тексте. Проблема перевода цветообозначений в тексте, в частности фольклорном, сложна для переводчика, так как он должен быть одновременно носителем лингвокультур двух народов.

Ключевые слова: калмыцкий язык, калмыцкая сказка, цветообозначение, фольклорный текст, перевод, лингвокультурология

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Баянова А. Т. Семантические особенности цветообозначения *улан* ‘красный’ в калмыцком языке и способы его перевода на немецкий язык (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 1. С. 186–197. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-186-197

Semantic Features of the Kalmyk Color Term *улан* ‘Red’ and Its German Translation Equivalents: A Case Study of Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt

*Aleksandra T. Bayanova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Head of Alekseeva Scientific Library and Archive

 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Bayanova A. T., 2021

Abstract. *Introduction.* Color terms constitute a most archaic lexical stratum of any language. Being characterized by vivid ethnocultural specifics, those serve as important elements to the linguistic view of the world. *Goals.* The paper seeks to analyze semantic features of the Kalmyk color term *улан* ‘red’ and its German translation equivalents. *Materials and Methods.* The work explores Kalmyk folktales recorded by the Finnish scholar G. J. Ramstedt during his 1903 scientific expedition to the Kalmyk Steppe. The analysis of the color term comprises both general research methods and specifically linguoculturological ones, such as linguoculturological and conceptual insights into folklore texts. *Results.* Impacts of color in world perception of the Kalmyks — just as for any other nation — are diverse enough. The folktale texts recorded by G. J. Ramstedt contain a total of five shades of the color, the lexeme *улан* ‘red’ being largely characterized by positive semantics. German translation variants are not always complete semantic equivalents of the color term which results from that color denoting lexemes — and those of red in particular — are integral to a certain ethnic worldview, this leading to some ambivalence of the color under study. *Conclusions.* The lexeme *улан* ‘red’ in its first nominative meaning denotes a color of an object, e.g., red proper, scarlet, ruddy, etc. In the Kalmyk language, it also serves to denote the prototypic color of blood and is often used to describe animal coat colors. The Finnish scholar employed different German translation means. In most cases, the selection of translation equivalents depends on the translator’s associative/visual thinking and perception of the world, as well as on lexical, semantic and morphological patterns of Kalmyk and German. Folklore texts are structured specifically, and a translator needs utmost attention and linguistic intuition to avoid any inaccuracies when communicating a color paradigm from the original text. The challenge

be tackled by a translator of color terms in a folklore text is that he/she is supposed to bear both the linguocultures examined.

Keywords: Kalmyk language, Kalmyk folktale, color terms, folklore text, translation, linguoculturology

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’ (state reg. no. 075-15-2019-1879).

For citation: Bayanova A. T. Semantic Features of the Kalmyk Color Term *улан* ‘Red’ and Its German Translation Equivalents: A Case Study of Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14(1): 186–197. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-186-197

Введение

Фиксация цвета предмета, наряду с фиксацией числа и времени, является наиболее простым и доступным способом осознанного зрительного ощущения и осмысления его признаков и особенностей. Поскольку «цвет есть порождение нашего глаза и мозга» [Фрумкина 1984: 6], цветоощущение отражается, прежде всего, в языке. Цветообозначение относится к наиболее архаичному пласту лексики любого языка, оно имеет ярко выраженную национально-культурную специфику и является важной составной частью языковой и лингвоцветовой картин мира.

Эксперимент с целью исследования восприятия и распознавания цвета представителями различных языков и культур впервые провели американские ученые — психолог Р. Браун и лингвист Э. Леннеберг, которые пришли к выводу, что, к примеру, носители языка зуни, у которых зеленый и синий цвет относится к одной цветовой категории, не испытывают проблем с их распознаванием [Brown, Lenneberg 1954: 455].

Начало комплексному исследованию лингвистических аспектов цветообозначения положили американские ученые Б. Берлин и П. Кей [Berlin, Key 1969]. На основе анализа 98 языков они пришли к выводу, что набор цветовых терминов состоит из 11 универсальных лексем, которые появились не одновременно.

В отечественной лингвистике рассматривались различные аспекты цветообозначения: семантика [Рахилина 2007],

символика [Бережных 2009], этимология [Бахилина 1975; Василевич 2007], цветовые представления в культурах народов, в частности монголоязычных [Бахилина 1975; Василевич 2007], компаративный анализ цветообозначений в разноструктурных языках [Макеенко 1999; Кулешова 2012] и т. д.

Исследование цвета в монгольских языках проводилось отдельными учеными, однако следует констатировать, что проблема комплексного изучения цветообозначений в калмыцком языке остается на периферии калмыцкой филологической науки, хотя имеются серьезные исследования по данной проблематике в монголоведении [Жуковская 2002; Цултэм 1982]. Здесь нужно отдельно выделить фундаментальную работу Н. Л. Жуковской, где символика цвета посвящена отдельная глава [Жуковская 2002: 194–216]. В калмыковедении же имеются разрозненные научные публикации, где цветообозначение рассматривается в рамках изучения архитектуры, жилища, одежды, орнамента, астрологии калмыков. Так, например, при исследовании орнамента монголоязычных народов известный этнолог А. Г. Митиров рассматривал и семантику цвета [Митиров 1981]. Э. П. Бакаева исследует цветообозначение в рамках изучения геосимволики, утверждая, что для каждой стороны света существует свой цвет. Так, к примеру, восток — синий, юг — желтый, запад — красный, север — зеленый [Бакаева 2005: 22].

Вопросы цветообозначения были рассмотрены известным лингвистом

Г. Ц. Пюрбеевым в монографии «Эпос «Джангар»: культура и язык» [Пюрбеев 2015]. Он исследует цветовую символику на примере эпического текста, дает семантику каждого цвета. Следует отметить, что калмыцкие лингвисты исследуют цветовую символику чаще всего на основе текстов эпоса «Джангар». Цветовую лексику в составе сравнений, эпитетов, метафор и гипербол на примере эпического текста рассматривает Б. Б. Манджикова, утверждающая, что цветообозначение является одним из выразительных средств, используемых в фольклорном тексте [Манджикова 2002: 189]. Формулы-толкования цветообозначающих имен прилагательных дает С. Е. Бачаева. Так, работая над составлением Толкового словаря калмыцкого героического эпоса «Джангар», она в него включала систему дефиниций для колоративов: к примеру, улан — цусна өнгтэ ('красный — цвета крови'), цаһан — цасна, үснэ өнгтэ ('белый — цвета снега, молока') [Бачаева 2015].

Сравнительно-статистический анализ цветообозначений на основе текстов синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса осуществила В. В. Салыкова, однако сопоставление частотности цветообозначений в разновариантных текстах не привносит каких-то принципиально новых знаний в рассмотрении данного вопроса [Салыкова 2013]. Частотность колоронимов в тексте эпоса «Джангар» определена монголоведом Б. Х. Годаевой в 1970-х гг. при исследовании этого памятника устного народного творчества калмыков, содержащего богатейшей лингвистический материал [Годаева 1976]. Цветообозначение в калмыцкой ономастике рассматривает М. У. Монраев [Монраев 2009].

В последнее десятилетие в рамках исследования концептов стали изучаться и концепты цвета: белый [Монраев 2006; Джушхинова 2013; Олядыкова 2006], красный [Голубева 2008; Куканова, Омакаева 2011; Монраев 2008].

Роль цветообозначения у калмыков, как и у всех народов, многозначна. По утверждению В. Е. Ткачева, «для человека, образ жизни которого сформировали дальние перекочевки, и чей мир не должен быть обременен обилием вещей, цвет как физическое качество предметов и пространства стал не только информатором, но и системой чув-

ственных данных, положивших начало социальной символике и эстетическому мировоззрению степного общества» [Ткачев 1984: 107].

Целью данной статьи является анализ семантических особенностей цветообозначения *улан* 'красный' в калмыцком языке и способы его перевода на немецкий язык на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили калмыцкие сказки, записанные ученым Г. Й. Рамстедтом в 1903 г. во время научной экспедиции в калмыцкие степи Нижнего Поволжья, предпринятой при поддержке Императорского Александровского (Гельсингфорского) университета. Полевые записи сказок были изданы Г. Й. Рамстедтом на калмыцком и немецком языках в двух частях. Первая часть, опубликованная в 1909 г., включала 18 сказочных текстов [Kalmückische ... 1909]. Вторая часть книги, содержащая сказки под номерами 19–22 (с. 155–237), вышла в свет только в 1919 г. [Kalmückische ... 1919].

В соответствии с поставленными задачами использовались различные методы научного исследования: как общенаучные (сопоставительный, описательный), так и используемые в лингвокультурологии (метод лингвокультурологического анализа фольклорного текста, предполагающий анализ единиц художественного текста с точки зрения их национально-культурной семантики, и метод концептуального анализа с целью реконструкции национальной языковой картины мира).

Семантические особенности цветообозначения *улан* 'красный' в калмыцком языке

В лингвоцветовой картине мира калмыков красный цвет включает в себе положительную коннотацию. По утверждению Е. В. Голубевой, красный цвет является «воплощением жизненной силы, поддерживая ассоциации с кровью и огнем» [Голубева 2008: 24].

В калмыцком словаре выделены несколько значений лексемы *улан*. В первом, номинативном, значении она обозначает цвет предмета: красный, алый, румяный и др. Второе значение лексемы — метоними-

ческое, когда в сочетании с другими словами, обозначающими различные предметы и явления, она может переводиться по-разному: *улан хол* ‘пищевод’ (букв. ‘красное горло’); *улан мөңгн* ‘медная монета’ (букв. ‘красные деньги’). В третьем значении данная лексема употребляется исключительно со словами, обозначающими части тела человека и означает «голый»: *улан һар* ‘голые (собственные) руки’¹. Четвертое значение связано с исторической ситуацией, при которой красный цвет был составляющей коммунистической символики, и лексема «красный» активно использовалась в политической лексике в СССР. В этот период в калмыцком языке произошло калькирование значения лексемы из русского языка: *улан ээрм* ‘Красная армия’, *улан булң* ‘красный уголок’ [КРС 1977: 530–531].

Анализ фольклорного текста показал, что лексема *улан*, обозначающая один из основных цветов спектра, часто употребляется в фольклорных текстах и большей частью имеет положительную семантику.

Но часть ученых считает, что лексема *улан* может иметь и отрицательную коннотацию [Санжеев 1941; Куканова, Омакаева 2011], которая чаще всего встречается во фразеологизмах: *улан махн болтл цокх* ‘жестоко избивать кого-либо до полусмерти’ (букв. ‘до красного мяса избить’); *улан һолднь кұрх* ‘задевать за живое’; ‘мучить, терзать’; *улан хорха* ‘очень жадный человек’ [Куканова, Омакаева 2011: 46]. Г. Д. Санжеев считает, что денотативным значением лексемы *улаан* является выражение *улаа гаргаха* ‘заколоть мясо на овцу’ (букв. ‘вынести нечто красное’, т. е. мясо или кровь [Санжеев 1941: 36]).

Особенности перевода лексемы *улан* на немецкий язык в калмыцких сказках в записи Г. Й. Рамстедта

Проанализировав тексты сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом, выделяем диапазон оттенков красного цвета: от темно-коричневого до оранжевого, — передаваемых лексемой *улан*.

Таблица 1. Шкала оттенков красного цвета
(на материале калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта)

[Table 1. Shades of red mentioned in Kalmyk folktales recorded by G. J. Ramstedt]

Оттенки красного цвета	Калмыцкий текст (транслитерация и переложение на современную калмыцкую графику) ³	Перевод на русский язык ²
темно-коричневый	oktʃ ulān tsar ordž ögl-ugē olʃād g arād bānā. = <i>Оһтр улан цар орж өгл угэ ооляд һарад бээнэ.</i> (Сказка № 12)	‘Короткохвостый красный вол никак не хотел заходить, прочь отбегал’
темно-красный	öwgn g arād ulān tustā jas ^o aptširēb busldž-āsñ maχ nd dürēb ork ^o w. = <i>Өвгн һарад, улан цустэ яс апч ирэд, буслжэсн махнд дүрэд оркв.</i> (Сказка № 9)	‘Старик вышел, красной кровью измазанную кость принес и бросил ее [в котел, где] варилось мясо.’
розово-красный	emgn mašīn ulān χal ^o mγā bānā. = <i>Эмгн машин улан халһэ бээнэ.</i> (Сказка № 17)	‘Старуха с красным лицом, изрядно захмелевшая (букв. очень красная захмелевшая) [сидит]’
светло-красный	dalñ möfnā del sūl awñ-tšī, dapt ^o mγ ulān kī ^o utχ awñ-tšī? = <i>Далн мөрнэ дел-сүл авнч, даптмр улан кишир-утх авнч?</i> (Сказка № 16)	‘Семидесяти лошадей гривы-хвосты возьмешь или кованые красные кинжалы-ножи возьмешь?’
оранжевый	edū tedū boldž-āt! χānā talās nāfχpn ulān tōsñ g arγ ā. = <i>Эдү-тедү болжэтл, хаанэ талас нэрхн улан тоосн һарва.</i> (Сказка № 13)	‘Через некоторое время с той стороны, где жил хан, тонкий столб красной пыли показался’.

¹ В алтайском языке в данном контексте эта лексема может иметь значение ‘нищий, бедный’: *кызыл бут* (букв. ‘красные ноги’) [Майзина 2008: 175].

² Примеры на калмыцком языке и нумерация сказок даны по изданию [Калмыцкие сказки 2018]. Здесь и далее перевод с калмыцкого и немецкого языков автора статьи.

Рассмотрим приведенные в таблице и другие примеры описания выявленных оттенков красного цвета в сопоставлении с переводом на немецкий язык Г. Й. Рамстедта.

Темно-коричневый. При описании масти животного в калмыцких фольклорных текстах, в частности сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом, часто используется лексема *улан* ‘красный’³: *улан маитг* ‘красный низкорослый (конь)’; *улан халзн бух* ‘красный с лысинкой бык’; *улан укр* ‘красная корова’; *улан цар* ‘красный вол’; *улан мортэ кун* ‘человек на красном коне’.

При переводе Г. Й. Рамстедт использует прилагательные *rot* ‘красный’, *braun* ‘коричневый, бурый’ (как оттенок красного цвета):

(1) *oktr ulān tsar ordž ögl-ugē ōl’ād g. arāb bānā.* = *Охтр улан цар орж өгл угэ ооляд харад бээнэ.* ‘Короткохвостый **красный** вол никак не хотел заходить, прочь отбежал’ — Ein kurzgeswänzter **brauner** ochs will nicht hineingehen, sondern macht sich los und entflieht. ‘Короткохвостый **коричневый** вол никак не хотел заходить, а освобождался и убежал’ (Сказка № 12).

(2) *buldž orkāb öwgn ulān mašt’γān unā(ḍ) g. arā(ḍ) joww.* = *Булж оркад, өвгн улан маитган уна(ḍ), хара(ḍ) йовв.* ‘Спрятав [ее] там, старик сел на своего **красного** низкорослого [коня] и ускакал’ — Nachdem er sie so versteckt hatte, ritt er auf seiner **roten** mähre fort. ‘После того, как спрятал ее, он сел на свою **красную** клячу и ускакал’ (Сказка № 9).

(3) *tawn jamātā sandži, oktr ulān ükrṭā sandži, šarṇ noxātā sandži, neg temētā sandži.* = *Тавн яматэ санжэ, охтр улан үкртэ санжэ, шар нохэтэ санжэ, нег темэтэ санжэ.* ‘Пять коз было у них, короткохвостая **красная** корова, желтая собака и один верблюд были у них’ — Sie hatten fünf ziegen, sie hatten eine kurzgeschwänzte **rote** kuh, einen gelbmäuligen hund und ein kamel. ‘У них было пять коз, короткохвостая **красная** корова, желтая собака и верблюд’ (Сказка № 14).

Согласно классификации перевода цветообозначений, предложенной З. О. Давидян [Давидян 2008: 135], применительно к данному примеру мы наблюдаем полное совпадение оригинала и перевода

³ В сказках Г. Й. Рамстедта из 74 случаев употребления лексемы *улан* 30 обозначают масть (окрас) животных.

на морфологическом уровне, то есть цветообозначения в оригинале и переводе представлены одной и той же частью речи — прилагательным.

Темно-красный. Данный случай применения лексемы *улан* рефлектирует прототипическое значение цвета красный — это цвет крови. В народном представлении кровь являлась символом жизни⁴. От количества красных кровяных телец эритроцитов и направления кровотока зависит и оттенок цвета крови: алая, светлая, ярко-красная (артериальная) и темная, вишнево-бордовая, с синеватым оттенком (венозная).

В данном контексте определить цвет крови животного как темно-красный позволяет нам тот факт, что это уже свернувшаяся кровь после забоя скота:

(4) *öwgn g. arāb ulān tsustā jasṇ aptširēḍ busldž-āsṇ maχṇḍṇ dürēḍ orkṇw.* = *Өвгн харад, улан цустэ яс апч ирэд, буслжэсн махнд дүрэд оркв.* ‘Старик вышел, **красной** кровью измазанную кость принес и бросил ее [в котел, где] варились мясо’ — Der mann ging hinaus, holte seinen **rotblutigen** knochen und steckte ihn unter das kochende fleisch. ‘Мужчина вышел, принес свою **кроваво-красную** кость и бросил ее в кипящее мясо’ (Сказка № 9).

При переводе ученый использует частичное совпадение значений, когда смысл тождествен, но в калмыцком тексте он выражен словосочетанием *улан цуста яс* ‘кость с красной кровью’, а в немецком одним словом *rotblutig* ‘кроваво-красный’:

Найден один пример, где описан цвет крови недавно убитого животного:

(5) *χōnā-tšl amṇ ulān tsusṇ -l-m, keptṇṇ g. azr maχṇḍṇ-lṇ-m, odā bi jaγṇḍ-īmbe?* — *gedž kelēḍ ūl’ād bāwā.* = *Хөөнэ[н]ч амн улан цуснлм, кептсн хазр махнлм, ода би яхдимбэ?* — *геж келэд, ууляд бэвэ.* ‘У всех твоих овец рты **красные** от крови, а там, где они лежали, мясо на земле, что же мне теперь делать? — так говоря, стал плакать [он].’ — Die mäuler deiner schafe sind ja **rot** von blut! Was soll ich jetzt tun?» sagte er und weinte. ‘Рты твоих овец **красные** от крови! Что я должен теперь делать?’ — сказал он и заплакал’ (Сказка № 17).

⁴ В русском языке существует выражение «в крови», т. е. от рождения; о человеке, имеющем много жизненных сил и энергии, говорят «кровь играет» [ТСРЯ 1935: 1522].

Розово-красный. В зависимости от определенных эмоциональных и физических состояний цвет лица человека может приобретать различные оттенки: багровый (в момент, к примеру, когда человек выходит из себя от злости или гнева), пунцовый (при испытании чувства стыда) и т. д. В указанном примере (после употребления крепких напитков) от прилива крови кожа человека приобретает розовато-красный цвет.

Согласно классификации З. О. Давидян, Г. Й. Рамстедт использует частичное переводческое совпадение, когда при тождественном смысле слову *улан* соответствует словосочетание *sehr rot im gesicht* ('букв. с очень красным лицом'):

(6) *emgŋ mašīn ulān* *χal^mγā bānā.* = *Эмгн машин улан халмγ бээнэ.* 'Старуха изрядно захмелевшая (букв. очень **красная** захмелевшая) [сидит].' — *Seine Frau ist sehr rot im Gesicht und angeheitert.* 'Его жена подвыпившая, с **очень красным лицом**' (Сказка № 17).

В немецкой лингвокультуре, также как и в калмыцкой, выражение *rot im Gesicht* 'красное лицо' (букв. 'красный в лице') связано с определенным эмоциональным или физическим состоянием человека.

Светло-красный. В данном контексте «кинжалы-ножи» описаны как красные. Как известно, ножи, мечи и кинжалы отливали из булата — сплава железа и углерода. По цвету он делился на серый, бурый или черный. При падении солнечных лучей на изделия из булата они отливали светло-красным или золотистым цветом. Красноватый оттенок получался из-за того, что в углеводе присутствовала посторонняя примесь [О булатах... 1841: 223].

Г. Й. Рамстедту не составило труда перевести данное выражение на немецкий, так как здесь присутствует полное тождество смысла:

(7) *dapt^mγ ulān kīr^o utχ awŋ-tšī?* = *...дaптmр улан киир-утх авнч?* '...кованые **красные** кинжалы-ножи возьмешь?' — *... willst du ein geschmiedetes, rotes messer haben?* '...хочешь ты иметь кованый **красный** меч?' (Сказка № 16).

5. Выражение *нэрхн улан тоосн* — букв. 'тонкая красная пыль' часто встречается в калмыцком фольклоре. Столб или вихрь из пыли может появляться спереди (символи-

зирует появление человека, скачущего на лошади и приносящего какую-либо весть) или сзади (означает погоню):

(8) *en^o χū sālk'nā tōsn gek^olā mel mintšigŋ boldž ökk^b-s (ökk^b-wš); en^o neg-ugē tōsn bišⁱ* = *Эн ху салькнэ тоосн гехлэ, мел мин чигн болж өгхи (өгхви), эн нег угэ тоосн биш, негтэ тоосн.* 'Сказать „вихрь“ значит сказать как будто не так: не простой это столб пыли, а [конем] вздымаемая это пыль' — *Wenn ich sage, es sei die staubwolke eines wirbelwindes, so wird das doch nicht gerade das sein. 'Das ist nicht ein staub ohne etwas, das ist ein staub mit etwas* 'Когда я говорю, что это облако пыли от вихря, то это будет не совсем так. Это не пыль без чего-то, это пыль с чем-то' (Сказка № 20).

(9) *ardāsŋ neg nāχŋn ulān tōsn χurdllūlān āš:dž jowdŋc bolnā.* = *Ардаснь нег нэрхн улан тоосн хурдлулад аашжэ йовдг болнэ.* 'Позади него, спеша, идет **тонкий красный столб пыли**' — *Hinter ihm nähert sich hurtig eine schmale rote staubwolke.* 'Позади него быстро приближается тонкое **красное облако пыли**' (Сказка № 20).

В переводе на немецкий язык наблюдается частичное переводческое совпадение. В понимании калмыка пыль, окутывающая всадника и лошадь, принимает вертикальную форму (столб). В понимании немца она имеет форму облака.

В обоих вариантах присутствует красный цвет: *улан* 'rot'. Но цвет пыли или песка бежевый, ближе к оранжевому, следовательно, здесь имеется в виду именно этот оттенок красного цвета.

В калмыцких сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом выявлено пять оттенков красного цвета. В настоящее время весь спектр оттенков данного цвета, передаваемых в калмыцком языке, не исследован и определить количество этих оттенков не представляется возможным. В родственном калмыцкому монгольском языке, согласно сведениям Большого академического монгольского словаря, красный цвет представлен 22 оттенками: от кроваво-красного *цусаан улаан* до красно-фиолетового *улаан ягаан* [БАМРС 2001: 316]. Многочисленны оттенки красного цвета и в русском языке: алый, багровый, вишневый, рубиновый, карминный, малиновый и т. д.

Красный цвет является одним из стойких ассоциаций к слову *солнце*. В русском

фольклоре неразложимыми сочетаниями являются выражения «красно солнышко», «солнце красное», которые являются синонимом красоты, так как «красный» употреблялся в значении «красивый». Цвет солнца в монгольских языках, как правило, описывается лексемой *шар* ‘желтый’. Семантика колоронима *шар* ‘желтый’ при обозначении солнца тоже различна. В значении ‘желтый’ он употребляется, к примеру, в устойчивых словосочетаниях *намрин шар нарн* — ‘бабье лето’; *шар нар* — *бор хонг* ‘день и ночь’ [БАМРС 2001: 396]. Колороним *шар* ‘желтый’ может употребляться и в значении ‘красный, красивый, прекрасный’: *шар нарн* ‘солнце красное’ [КРС 1977: 665], что собственно наблюдается и в русском языке: «красно солнышко», «красна девица» (ср. калм. *шар нойхн* ‘красивая девушка’).

При описании солнца встречается и употребление лексемы *улан* ‘красный’. Красным солнце становится при описании восхода и заката. В калмыцкой культуре выражение *улан нарн* обозначает время суток — *өрүн улан нарнла* ‘на рассвете’; *асхн улан нарнла* ‘на закате’:

(10) *örüñ ulān narñlā g.arāb, asxon ulān narñlā iḡēb...* = *Өрүн улан нарнла һарад, асхн улан нарнла ирэд*. ‘Утром на рассвете выходит, вечером на закате возвращается’ — *Bei der frühen Morgensonne geht der unhold aus, am Abend bei sich rötender Sonne kommt er zurück*. ‘При раннем утреннем солнце чудовище выходит, вечером при краснеющем солнце приходит’ (Сказка № 22).

При переводе Г. Й. Рамстедт использует несколько вариантов значения данных слов: *die frühen Morgensonne* — букв. ‘раннее утреннее солнце’, *die rote Morgensonne* ‘красное утреннее солнце’, *die rötende Sonne* ‘краснеющее солнце’, *der rötlichen Sonnenaufgang* ‘красноватый восход солнца’:

(11) *...örüñ ulān narñ g.arsⁿnās nārñ enᶜ ḡālᶜ dērⁿ sūyā-w.* = *...өрүн улан нарн һарснас наар[а]н эн хаалһ дээр сууһав*. ‘...с самого рассвета на этой дороге сажу’ — *Seit der frühen, roten Morgensonne habe ich hier am Wege gesessen*. ‘С раннего красного утреннего солнца сидел я здесь на дороге’ (Сказка № 22).

(12) *...örüñ ulān narñlā sūr sūr sālkītā, gūr gūr ḡurtā ird-īmñ.* = *...өрүн улан нарнла сүр-сүр сальктә, гүр-гүр хуртә ирдимн*. ‘... на рассвете сильный ветер поднимая, проливной дождь вызывая, приходит’ — *Mit diesen Worten pflegt er bei dem rötlichen Sonnenaufgang mit heftigem Sturm und platschendem Regen zu kommen*. ‘С этими словами он имел обыкновение при красноватом восходе солнца прийти с сильной бурей и проливным дождем’ (Сказка № 21).

Данный синонимичный ряд следует отнести к частично-адекватному совпадению оригинала и перевода, когда несколько компонентов структуры изменены.

Г. Й. Рамстедт прибегает также к вариантному переводческому совпадению, когда «в языке перевода существует несколько слов для передачи одного и того же значения исходного слова [Давидян 2008: 135]: *abends, wenn die sonne rot untersinkt* — букв. ‘вечером, когда солнце погружено в красный цвет’, *die morgensonne rot aufgeht* ‘утреннее солнце восходит красным’:

(13) *asxon ulān narñlā šimēb örüñ ulān narⁿ kürtlᶜ šimēb šimnā.* = *...асхн улан нарнла шимэд өрүн улан нар[н] күртл шимэд шимнә*. ‘...с вечернего заката до самого рассвета [кровь] у него выпивает.’ — *Abends, wenn die Sonne rot untersinkt, fängt er an zu Saugen und saugt und saugt, bis die Morgensonne rot aufgeht*. ‘Вечером, когда солнце погружено в красный цвет, приступает он к сосанию, и сосет, сосет, до того, пока утреннее солнце восходит красным’ (Сказка № 22).

Лексема *улан* встречается в выражении *зам улан хаалһ* ‘тракт, столбовая дорога’:

(14) *köwüñ zam ulān ḡālᶜār gūḡē g.arw.* = *Көвүн зам улан хаалһар гүүһә[д] [прав. гүүж] һарв*. ‘Юноша по проезжей дороге дальше побежал’ — *Der knabe läuft den roten, grossen weg entlang*. ‘Юноша бежит вдоль красной большой дороги’ (Сказка № 11).

В калмыцкой языковой картине мира слово *хаалһ* ‘дорога’ часто ассоциируется с белым цветом, что означает ‘счастливый путь’, путь без препятствий и трудностей: *Цаһан хаалһта болтха!* ‘Счастливого пути!’ Символика красного цвета при обозначении дороги имеет, безусловно, положительную коннотацию: указывает на качественную просторную широкую дорогу, в переносном значении — на правильность пути. Г. Й. Рамстедт старается максимально близко перевести данное значение цвета, что несколько спорно, так как в немецком

языке лексема *rot* не используется в этом значении:

(15) *köwüñ g. arāb jowwā, zam ulān xālγār.*
= *Көвүн һарад йовва, зам улан хаалһар.*
‘Юноша вышел и по **проезжей** дороге отпра-
вился в путь’ — *Der knabe begab sich weiter,*
die rote, grosse strasse entlang. ‘Юноша по-
шел дальше вдоль **красной** большой доро-
ги’ (Сказка № 11).

В немецком языке есть синонимы, ко-
торые могут передать это же значение: *die*
landstraße ‘большая дорога’, *die poststraße*
‘почтовый тракт, столбовая дорога’.

Заклучение

Анализ калмыцких сказок в записи
Г. Й. Рамстедта позволил выявить пять от-
тенков красного цвета, передаваемых лек-
семой *улан*. Считаем, что количество выяв-
ленных оттенков может быть больше, если
рассмотреть больший объем фольклорного
текста. В целом лексема *улан* ‘красный’
имеет положительную семантику, хотя,
согласно утверждению некоторых ученых,
она может содержать и отрицательное зна-
чение. Лексема *улан* *улан* ‘красный’ в кал-
мыцком языке передает прототипический

цвет крови, часто употребляется при опи-
сании масти животных, цвета предметов,
цвета лица человека в определенном эмоци-
ональном или физическом состоянии.

Цветобозначение вообще и красный
цвет в частности помещается человеком
в пространство национальной картины
мира, в чем и находится объяснение некой
амбивалентности представленного цвета.
Специфика перевода цветобозначений со-
стоит в том, что в немецком и калмыцком
языках дифференциация денотата происхо-
дит по-разному. Она зависит от ассоциатив-
но-образного мышления и мировосприятия
переводчика, а также от лексико-семантиче-
ских и морфологических средств, характер-
ных для калмыцкого языка. Фольклорные
тексты имеют особую структуру, поэтому
от переводчика требуется внимательность и
лингвистическая интуиция, чтобы не допу-
стить неточности в передаче цветовой пара-
дигмы, представленной в исходном тексте.
Проблема перевода цветобозначений в
тексте, в частности фольклорном, сложна
для переводчика, так как он должен быть
одновременно носителем лингвокультур
двух народов.

Источники

- Kalmückische 1909 — Kalmückische
Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben
von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische
Märchen. Helsingfors: Societe Finno-
Ougrienne, 1909. 154 s.
Kalmückische 1919 — Kalmückische
Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben
von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische
Märchen. Helsingfors: Societe Finno-
Ougrienne, 1919. 155–237 s.

Литература

- Бакаева 2005 — *Бакаева Э. П.* Оппозиция «бе-
лый-черный» и проблема геосимволики
монгольских народов // *Азия в Европе: вза-
имодействие цивилизаций. Язык, культура,*
*этнос в глобализованном мире: на стыке ци-
вильзаций и времен: материалы Междунар.*
конгресса: в 2 ч. Ч. 2. Элиста: КалмГУ, 2005.
С. 22–25.
БАМРС 2001 — Большой академический
монгольско-русский словарь / отв. ред.

Sources

- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und
herausgegeben von G. J. Ramstedt (Kalmyk
Speech Patterns. Collected and Published by
G. J. Ramstedt). Part One: Kalmyk Folktales.
Helsinki: Finno-Ugric Society, 1909. 154 p. (In
Germ. and Kalm.)
Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und
herausgegeben von G. J. Ramstedt (Kalmyk
Speech Patterns. Collected and Published by
G. J. Ramstedt). Part Two: Kalmyk Folktales.
Helsinki: Finno-Ugric Society, 1919. Pp. 155–
237. (In Germ. and Kalm.)

Г. Ц. Пюрбеев: в 4 т. Т. 3. М.: Academia,
2001. 438 с.

- Бахилина 1975 — *Бахилина Н. Б.* История цве-
тообозначений в русском языке. М.: Наука,
1975. 288 с.
Бачаева 2015 — *Бачаева С. Е.* Формулы-тол-
кования цветобозначающих имен прилагате-
льных (на материалах эпоса «Джангар») // *Вестник*
*Калмыцкого института гума-
нитарных исследований РАН.* 2015. № 1.
С. 80–85.

- Бережных 2009 — *Бережных Е. Ю.* Цветообозначения и их символика в русском и испанском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 26 с.
- Василевич 2007 — *Василевич А. П.* Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2007. 320 с.
- Голубева 2008 — *Голубева Е. В.* Цветоконцепт красный «улан» в фольклоре калмыков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1–2 (1). С. 22–25.
- Давидян 2008 — *Давидян З. О.* Способы перевода цветообозначений с французского языка на испанский // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. 2008. Вып. 7. С. 134–137.
- Джушхинова 2013 — *Джушхинова К. А.* “Белая дорога” как прецедентный знак калмыцкой лингвокультуры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 48–52.
- Жуковская 2002 — *Жуковская Н. Л.* Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
- Калмыцкие сказки 2018 — Калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта: тексты и исследования. В 3 ч. Ч. II. Переложение и перевод / сост. А. Т. Баянова, Б. Б. Горяева, А. О. Долеева, В. В. Куканова; пер. на рус. яз. Т. А. Михалевой, Б. Б. Горяевой, А. Т. Баяновой, А. О. Долеевой, В. В. Кукановой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 621 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Куканова, Омакаева 2011 — *Куканова В. В., Омакаева Э. У.* Фразеологические и онимические единицы с компонентом-цветообозначением улан в калмыцком языке в свете лингвокогнитивного подхода // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. Ч. 2. С. 44–49.
- Кулешова 2012 — *Кулешова Д. О.* Символика белого цвета в калмыцких и китайских паремиях // Научное наследие профессора А. Ш. Кичикова и актуальные проблемы современной калмыцкой филологии и культуры: мат-лы региональной науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. А. Ш. Кичикова. Элиста: КалмГУ, 2012. С. 67–68.
- Майзина 2008 — *Майзина А. Н.* Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). Горно-Алтайск: Научно-исслед. ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2008. 264 с.
- Макеенко 1999 — *Макеенко И. В.* Семантика цвета в разноструктурных языках (универсальное и национальное): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 24 с.
- Манджикова 2002 — *Манджикова Б. Б.* Лексика «Джангара» (цветовая символика) // Калмыки и их соседи в составе Российского государства: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 7–11 сентября 2001 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 189–196.
- Митиров 1981 — *Митиров А. Г.* О цветовой семантике орнамента монгольских народов // Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 90–100.
- Монраев 2006 — *Монраев М. У.* Концепт «цаган» («белый») в калмыцкой лингвокультуре // Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2006. С. 76–81.
- Монраев 2008 — *Монраев М. У.* Концепт улан «красный» в калмыцкой лингвокультуре // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития: мат-лы науч.-практ. конф. (г. Элиста, 13–14 сентября 2006 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 150–151.
- Монраев 2009 — *Монраев М. У.* Цветообозначение в калмыцком языке (на материале ономастики) // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 123–124.
- О булатах... 1841 — О булатах (сочинение генерал-майора Аносова) // Горный журнал, или собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся. Ч. I. Кн. II. СПб.: Тип. И. Глазунова и Ко, 1841. С. 157–317.
- Олядыкова 2006 — *Олядыкова Л. Б.* Сакральный белый цвет в монгольских и русском языках // Научная мысль Кавказа. 2006. № 5 (специальный выпуск). С. 118–124.
- Пюрбеев 2015 — *Пюрбеев Г. Ц.* Эпос «Джангар»: культура и язык. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 280 с.
- Рахилина 2007 — *Рахилина Е. В.* О семантике прилагательных цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2007. С. 29–39.

- Салыкова 2013 — *Салыкова В. В.* Колоративная лексика в языке синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар»: сравнительно-статистический анализ // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 32–35.
- Санжеев 1941 — *Санжеев Г. Д.* Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 188 с.
- СРЯ 1961 — Словарь русского языка. Т. IV. С–Я. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 1088 с.
- Ткачев 1984 — *Ткачев В. Е.* Цвет и пространство в монгольской архитектуре // Народы Азии и Африки. 1984. № 3. С. 107–113.
- Тодаева 1976 — *Тодаева Б. Х.* Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.
- ТСРЯ 1935 — Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова: в 4 т. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1935. 1564 с.
- Фрумкина 1984 — *Фрумкина Р. М.* Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.
- Цултэм 1982 — *Цултэм Н.* Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М.: Изобразит. искусство, 1982. 321 с.
- Berlin, Key 1969 — *Berlin B., Key P.* Basic colour terms: their universality and evolution. Los Angeles: Berkeley University of California Press, 1969. 178 p.
- Brown, Lenneberg 1954 — *Brown R. W., Lenneberg E. H.* A study in language and cognition // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1954. No. 49 (3). Pp. 454–462.

References

- Anosov. About bulat steels (an essay by Major General Anosov). In: *The Mining Diary, Or Collected Data on Mining and Salt Production, Supplemented with (Descriptions of) Latest Scientific Discoveries Related Thereto. Part I. Book II.* St. Petersburg: I. Glazunov & Co., 1841. Pp. 157–317. (In Russ.)
- Bachaeva S. E. Definition formulas of adjectives denoting color (on materials of the songs of the epos Dzhangar). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 1. Pp. 80–85. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. The opposition of white and black, and the issue of Mongolic geosymbols. In: *Asia in Europe — Interaction of Civilizations. Language, Culture, Ethnos in the Globalized World: Across Civilizations and Cultures. Congress Materials.* In 2 vols. Vol. 2. Elista: Kalmyk State University, 2005. Pp. 22–25. (In Russ.)
- Bakhilina N. B. A History of Russian Color Terms. Moscow: Nauka, 1975. 288 p. (In Russ.)
- Bayanova A. T., Goryaeva B. B., Doleeva A. O., Kukanova V. V. (comps.) *Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt: Texts and Studies.* In 3 vols. Vol. II: Transliterations and Translations. T. Mikhaleva et al. (transl.). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 621 p. (In Kalm. and Russ.)
- Bereznykh E. Yu. Russian and Spanish Color Terms, and Their Symbolism. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2009. 26 p. (In Russ.)
- Berlin B., Key P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Los Angeles: Berkeley University of California Press, 1969. 178 p. (In Eng.)
- Brown R. W., Lenneberg E. H. A study in language and cognition. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1954. No. 49 (3). Pp. 454–462. (In Eng.)
- Davidyan Z. O. Color terms: French-to-Spanish translation means. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2008. No. 7. Pp. 134–137. (In Russ.)
- Dictionary of the Russian Language. Vol. IV: С–Я. Moscow: State Publishing House of Foreign and Soviet National Dictionaries, 1961. 1088 p. (In Russ.)
- Dzhushkhinova K. A. ‘White road’ as a precedent sign of the Kalmyk linguistic culture. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 2. Pp. 48–52. (In Russ.)
- Frumkina R. M. Color, Meaning, Similarity: Aspects of Psycholinguistic Analysis. Moscow: Nauka, 1984. 175 p. (In Russ.)
- Golubeva E. V. The color term *улан* ‘red’ in Kalmyk folklore. *Philology. Theory and Practice*. 2008. No. 1–2 (1). Pp. 22–25. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Omakaeva E. U. Phraseological and onymical units with the color component *улан* in the Kalmyk language in light of the linguocognitive approach. *Scientific Thought of Caucasus*. 2011. No. 1. Part 2. Pp. 44–49. (In Russ.)

- Kuleshova D. O. Symbolism of white in Kalmyk and Chinese proverbs. In: Scientific Heritage of Prof. A. Sh. Kichikov, and Topical Issues of Contemporary Kalmyk Philology and Culture. Jubilee Conference Proceedings. Elista, 2012. Pp. 67–68. (In Russ.)
- Makeenko I. V. Semantics of Color in Structurally Different Languages: The Universal and the National. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Saratov, 1999. 24 p. (In Russ.)
- Mandzhikova B. B. Vocabulary of the Jangar: color symbolism. In: Kalmyks and Their Neighbors within the Russian State. Conference Proceedings (Elista; September 7–11, 2001). Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 189–196. (In Russ.)
- Mayzina A. N. The Semantic Field of Altaian Color Terms: Comparative Insights into Mongolian. Gorno-Altaysk: Surazakov Institute for Altaic Studies, 2008. 264 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Mongolic ornamental patterns: color semantics revisited. In: Ethnography and Folklore of Mongolic Peoples. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1981. Pp. 90–100. (In Russ.)
- Monraev M. U. Kalmyk color terms: a case study of onomastic materials. In: United Kalmykia in United Russia — through Centuries towards Future. Conference Proceedings (Elista; September 13–18, 2009). Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 123–124. (In Russ.)
- Monraev M. U. The concept of ‘red’ in Kalmyk linguoculture. In: Russia and Central Asia — Historical-Cultural Heritage and Development Prospects. Conference Proceedings (Elista; September 13–14, 2006). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2008. Pp. 150–151. (In Russ.)
- Monraev M. U. The concept of ‘цаган’ (‘white’) in Kalmyk linguoculture. In: Ethnocultural Sphere of Concepts. The Common, the Specific, and the Unique. Elista: Kalmyk State University, 2006. Pp. 76–81. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Olyadykova L. B. The sacral white in Mongolian and Russian. *Scientific Thought of Caucasus*. 2006. No. 5 (special issue). Pp. 118–124. (In Russ.)
- Pyurbеev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3. Moscow: Academia, 2001. 438 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbеev G. Ts. The Jangar Epic: Culture and Language. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2015. 280 p. (In Russ.)
- Rakhilina E. V. Semantics of color adjectives revisited. In: Denoting Color in Indo-European Languages. System and Historical Analyses. Moscow: KomKniga, 2007. Pp. 29–39. (In Russ.)
- Salykova V. V. Color-denoting lexic in the language of Xinjiang-Oirat and Kalmyk version of the epos «Dzhangar»: a comparative and statistical Analysis. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 2. Pp. 32–35. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Buryat Mongolian Grammar. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 188 p. (In Russ.)
- Tkachev V. E. Color and space in Mongolian architecture. *Narody Azii i Afriki*. 1984. No. 3. Pp. 107–113. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. The Jangar Epic: A Linguistic Study. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 530 p. (In Russ.)
- Tsultem N. Arts of Mongolia: From Ancient Times to the Early 20th Century. Moscow: Izobrazitelnoe Iskusstvo, 1982. 321 p. (In Russ.)
- Ushakov D. N. (ed.) Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1935. 1564 p. (In Russ.)
- Vasilevich A. P. Indo-European Color Terms: System and Historical Analyses. Moscow: KomKniga, 2007. 320 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 247 p. (In Russ.)

